

Экспертиза как эпистемологический феномен

Б. И. Пружинин

Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12

Для цитирования: Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 393–402. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.302>

В статье рассматриваются эпистемологические параметры феномена экспертизы, а также социальные и когнитивные особенности использования научного знания для обоснования объективности экспертных заключений. Сегодня сфера экспертных практик весьма расширилась. Соответственно, возросло и количество исследований, в том числе и философских, обстоятельно рассматривающих этот феномен прежде всего в связи с возрастанием его роли в оценке социально-гуманитарных рисков, которые несет внедрение научно-технических достижений. При этом обращается внимание и на тот факт, что именно благодаря значительному расширению сферы экспертной деятельности деформируется характер самой экспертизы — нарастает ее зависимость от социальных контекстов, теряется ее объективность. В статье предполагается прояснить причины нарастания этой зависимости в связи со спецификой эпистемологических параметров знания, которое используется в качестве научного основания экспертных заключений. Этот аспект экспертизы, как правило, выпадает из поля зрения и ее исследователей, и самих экспертов. Современные философы и методологи науки констатируют прямую зависимость экспертизы от прикладных (т. е. ограниченных практическими запросами) разработок, тогда как, по мнению автора, условием объективности экспертных заключений является обязательное обращение экспертов к фундаментальной науке, мотивированной стремлением расширить сферу целостного знания о мире. Это условие высвечивается благодаря эпистемологическому ракурсу осмысления экспертных заключений, позволяющему включить в сферу самосознания эксперта дополнительные критерии их объективности. Актуализация таких критериев становится сегодня обязательным условием эффективной экспертизы, удерживающей высокий социальный статус.

Ключевые слова: экспертиза, экспертное заключение, эпистемология, фундаментальная наука, прикладные разработки, объективность.

С темой «фундаментальное — прикладное в науке», причем не только в ее социально-мотивационном, но и эпистемологическом ракурсе, я впервые соприкоснулся в начале 1980-х годов, работая над проблемой рациональности научного знания [1]. Позднее я неоднократно и каждый раз по-особому обращался к этой теме. Дело в том, что буквально на глазах менялась реальность науки. Нарастала ее технико-инструментальная составляющая, менялся ее социальный статус, и, соответственно, менялись методологическая роль и соотношение этих интегративных характеристик научной деятельности. К нынешнему дню наука фактически превратилась в гигантскую социальную институцию, глубоко вовле-

ченную в экономико-технологические процессы, так что фундаментальную науку (fundamental science) очень редко представляют как «чистую», а тем более — как основу знания о мире; ее чаще определяют лишь как фундамент прикладных исследований (applied sciences, engineering sciences). Однако, на мой взгляд, глубинные методологические основания научного познания, делающие собственно науку наукой, сохранились, как это уже не раз случалось в ее истории. Не утерять своей значимости и философско-методологический смысл различения эпистемологических ориентаций фундаментальной и прикладной науки. Ниже я попытаюсь продемонстрировать это обстоятельство применительно к анализу научных оснований феномена экспертизы.

Но приступая к обсуждению вопросов о том, каким образом и в какой степени современные экспертные практики опираются на научные исследования, я прежде всего попытаюсь уточнить сам смысл экспертизы. Сделать это я считаю нужным потому, что экспертиза ныне стала массовой, чему, заметим, весьма способствуют цифровые технологии. Экспертные (по внешней форме) суждения о ситуациях в экономике, политике, искусстве, архитектуре, литературе, здоровье, спорте, моде и пр., и пр. позволяют себе сегодня далеко не только компетентные эксперты. Причем позволяют они себе такого рода публичные суждения даже в тех областях, где к обоснованию экспертного заключения традиционно предъявлялись достаточно жесткие требования (медицина, судебная практика, производственно-технологическая сфера). Все это довольно серьезно размывает смысл самого феномена экспертизы и ее социальный статус. Тем не менее я полагаю, публичная «доксотическая вседозволенность» — лишь внешняя сторона проблематизации современных экспертных практик.

Куда более настоятельная потребность уточнить распространенные трактовки феномена экспертизы связана с реальной востребованностью экспертных оценок в самых различных сферах жизни современного общества. В экспертизе нуждаются сегодня (в силу разделения труда или условий быта) все сферы жизни цивилизованного человека — от индивидуальной до культурной. И соответственно любые экспертные практики (претендующие ответить на вопрос, что вредно, а что полезно; что разрушительно, а что способствует...) испытывают на себе мощное воздействие массива разнородных факторов, так или иначе связанных с конкретными (и обязательно социализируемыми) общественными интересами (будь то в их духовном или материальном измерении). Так что зачастую экспертное заключение не столько корректирует тот или иной конкретный запрос, сколько, напротив, корректируется под превалирующий в нем интерес, т. е. обслуживает его. И не важно, является ли этот интерес личным, групповым или даже общечеловеческим. В этом случае «вопрошающий» получает не объективное заключение, основанное на полноценном знании об анализируемом предмете и его реальном потенциале, но социально нагруженное мнение, в значительной степени заданное экономическими, политическими, ведомственными и прочими интересами. И я не вижу необходимости приводить здесь примеры такого рода деформации экспертизы — читатель может привести их в огромном количестве сам (см. об этом: [2–7]). Собственно, этими обстоятельствами и вызывается, на мой взгляд, потребность в эпистемологическом анализе знания, образующего когнитивное основание современной экспертизы.

Вообще привлечение компетентных людей для анализа ситуаций, порождающих вопросы типа: «как быть и что с этим делать?», отнюдь не является чем-то новым ни в истории человеческих деяний, ни на бытовом повседневном уровне. Принятие осмысленного, т. е. рационально выверенного решения действовать так, а не иначе, всегда предполагает достаточно точное представление о ситуации, создающей потребность в этом действии. Но сам социальный феномен экспертизы и соответствующее понятие получили распространение лишь в самом конце позапрошлого столетия (см. об этом: [8; 9]). Формирование этого феномена связано со стремлением обосновывать объективную оценку вызывающей проблемы ситуации через обращение к научному знанию. На этой апелляции собственно и базируется сегодня общественный авторитет экспертизы как таковой. Эксперт воспринимается в обществе как ученый, осуществляющий исследование особого типа (он познает познанное, если использовать формулу Августа Бёка [10, с. 338]). Однако ныне все чаще обнаруживается, что даже демонстративная ссылка на науку не позволяет рассматривать экспертные заключения как основание для объективной оценки ситуации. В этом плане эпистемологический анализ научных оснований экспертизы может быть достаточно эффективным методологическим инструментом, позволяющим в какой-то степени уточнить ее объективный статус.

Одной из очевидных сегодня причин, ставящих под сомнение объективность экспертизы, является динамичная реальность самой современной науки. Наука не снабжает эксперта абсолютно истинным, завершенным знанием. В ней в каждый данный момент вполне допустимо сосуществование на законных когнитивных основаниях различных направлений, подходов, концепций, в рамках которых оцениваемая реальность может предстать очень по-разному. Тем более если сам выбор научных направлений — за экспертом, а выбор самого эксперта — за инициатором запроса. Однако этот, так сказать, недостаток экспертизы отчасти преодолевается при открытом обращении эксперта к различающимся вариантам знания об оцениваемой реальности и сопоставлении их. Таким образом, например, сегодня предпринимаются попытки сохранять объективность социально, экономически и политически перегруженной экспертизы в контексте непрекращающихся научных споров о причинах изменения климата [11]. Но при этом для выработки более эффективной экспертной позиции в такого рода ситуациях очень важно, чтобы она содержала в себе запрос также и на расширение знания, выводящего науку за рамки ее наличного состояния. Иными словами, нужно, чтобы экспертиза имела внятный когнитивно содержательный стимул к дополнительному научному исследованию. Наличие такого запроса может служить своего рода критерием основательности обращения данной экспертизы к науке и, соответственно, ее стремлению к объективности. Однако ссылки на этот критерий обязательно предполагают эпистемологическое осмысление такого рода запросов, уточняющее, какой собственно тип дополнительного научного исследования стимулирует данная экспертиза — фундаментальный или прикладной.

Дело в том, что экспертиза — это анализ некоторой предметной области, так или иначе ориентированный на конкретный, заданный человеческими потребностями деятельностный запрос. Это ответ на заданный вопрос, предназначенный в конечном счете быть рациональным обоснованием осознанного целенаправленного действия. Так что экспертиза по самой своей сути носит служебный характер.

Она обслуживает «вопрошающего». И соответственно входящее в ее основание научное знание в любом случае оказывается вплетенным в содержательно-конкретный запрос на действие, на активную трансформацию данной реальности в ее отнесенности к потребностям человека¹. Иными словами, становясь элементом экспертной оценки, знание в той или иной степени трансформируется под цели «вопрошания». Проблема лишь в том, насколько и каким образом эти трансформации затрагивают статус научного знания как основы объективности экспертизы.

Как уже отмечалось, в силу ряда общеизвестных обстоятельств, так или иначе связанных с научно-техническим прогрессом и его социально-гуманитарными последствиями, оценочные экспертные практики весьма широко и очень по-разному применяются сегодня в различных областях жизни общества. И, естественно, экспертиза всякий раз адаптируется под запросы соответствующих локальных контекстов. Бесспорно, само расширение сфер применения экспертизы — неизбежная и, в принципе, прагматически полезная реакция на весьма динамично, а зачастую, и рискованно меняющиеся условия нашего сегодняшнего бытия. Однако реакция эта на разнообразие постоянно дифференцирующихся контекстов все чаще сопровождается видовой дифференциацией самих экспертных практик, что опять-таки не проходит бесследно для их научных оснований.

Иногда термин экспертиза употребляется для обозначения интуитивных, по сути, оценок реальных ситуаций, основанных на личном жизненном опыте и, так сказать, «замешанных» на науке. Широко используют этот термин также внутри самой науки, но главным образом для оценки статуса полученного знания в аспекте социальной научной иерархии (экспертиза диссертационных работ, заявок на премии, гранты и пр., хотя, заметим, критицизм в научной работе является имманентной методологической установкой). Экспертиза рассматривается также как способ диагностики ситуаций (включая перспективу их развертывания под определенное, так сказать, медицинское вмешательство), и, наконец, экспертиза представляется как цензура. Кроме того, экспертиза бывает криминальной, правовой, экологической, строительной, пищевой и т. д. Соответственно, выполняемое в рамках экспертизы научное исследование отрывается от основного массива науки и модифицируется под частные практические задачи. Это, естественно, не проходит бесследно для его когнитивных параметров — научное знание приобретает характерные черты прикладного и именно в таком виде становится основанием для экспертного заключения. В этом качестве оно способно весьма эффективно обслуживать запрос на экспертизу, фактически включающую в себя интерес и желание заказчика. Но если научное обоснование экспертизы этим ограничивается, то в результате «вопрошающий» получает от эксперта не ответ на вопрос «что делать?», а рекомендацию на запрос «как сделать то, что он хотел бы получить». А это значит, что локализация экспертизы не способствует выполнению другой важной и столь же практически значимой функции научных оснований экспертных прак-

¹ Замечу, в философии науки для обозначения когнитивной зависимости получаемых эмпирических данных от теоретических конструкций употребляют выражение «теоретическая нагруженность», в данном случае, можно говорить о целевой нагруженности экспертного исследования или, что точнее, о его принципиальной «человекообразности» (см.: [12]). И уж совсем откровенно эта «нагруженность» предстает, когда на статус научного основания экспертизы начинает претендовать философия. Одна из немногих работ, касающихся данной тематики: [6].

тик — констатации наличного положения дел вопреки общественным контекстуальным запросам. Между тем, реализация именно этой функции делает экспертизу объективной.

Вообще говоря, я не думаю, что излагаю здесь нечто новое. Социальные процессы, интенсивно локализирующие знание, лежащее в основании экспертизы, лишь обостряют ее исходную противоречивость. Проблематизация объективности коренится в самой ее сути. Изначально заданная ориентация на конкретные практические запросы является важнейшей сущностной характеристикой экспертизы как таковой (именно для вполне прагматических, жизненно важных конкретных целей и сформировался этот социокультурный феномен). Однако не следует забывать, что прагматический запрос — это лишь одна сторона дела. Не менее значима акцентирующая внимание на традиционной культурной функции науки апелляция экспертизы именно к фундаментальному научному знанию и обоснование на его базе объективной рациональной аргументации по поводу возможных последствий действия в данной сфере реальности.

Примерно с середины XX столетия фундаментальные и прикладные мотивационные установки, по-разному акцентирующие особенности познавательной деятельности, стали достаточно отчетливо различаться самими учеными на собственно эпистемологическом уровне. Цель прикладного исследования — знание, которое может быть использовано для инструментально-эффективной реализации конкретных практических целей. Оно несет в себе информацию, достаточно жестко адаптированную под решение частных задач в данном (технически выделенном) фрагменте реальности. Соответственно, оно, как правило, является локальным (т.е. существующим как бы вне всего массива наличного знания). Цель фундаментального исследования — знание о мире как таковом. В данном случае важно, что ориентация такого рода мотивирует фундаментальную науку на расширение когнитивных горизонтов, на саморазвертывание знания, на преодоление дисциплинарных барьеров и т.д. Обе эти установки всегда присутствовали в науке. Но если до середины прошлого века они фактически дополняли друг друга, то ныне ситуация изменилась. Массив собственно прикладных исследований значительно вырос, а фундаментальная наука нередко рассматривается социумом лишь как фундамент (заготовка) для прикладной. Тем не менее присутствие обеих этих установок является важнейшей особенностью науки как культурного феномена, что имеет принципиальное значение и для экспертизы.

В данном случае, в рамках нашей темы, важно отметить: поскольку «знание, полученное в рамках прикладных исследований, не рассматривается в прикладной науке в качестве плацдарма для дальнейшего проникновения в еще не познанные области мира, но фиксируется прежде всего как средство решения локальной практической задачи, то знание это зачастую предстает в формах, не предполагающих его дальнейшее прямое познавательное использование (например, формулируется в виде инструкции или технологического рецепта). Кроме того, в планировании и экспертной оценке полученных в прикладной науке результатов резко возрастает роль явного или неявного заказчика, не имеющего прямого отношения к научно-познавательной деятельности; а полученное знание, как правило, оказывается собственностью заказчика, который, чаще всего, вообще изымает его из свободного научного оборота. Впрочем, и субъектом прикладного познания сегодня

чаще всего оказывается именно организация (институт), с вытекающими отсюда социальными, прагматическими, а также эпистемологическими последствиями» [13, с. 191]. И все эти эпистемологические последствия и социальные особенности прикладной ориентации науки, используемой в качестве основания экспертных практик, существенно сказываются на статусе и содержании экспертных заключений. Экспертиза в этом случае теряет объективность, превращается по своему эпистемологическому статусу в мнение.

Принимая прикладные установки, эксперт, как правило, подчиняет свою деятельность задаче, предложенной заказчиком-заявителем (и в смысле ее желательного решения, и в плане ее технической реализации). В результате мы можем наблюдать, как под запрос заказчика знание, предназначенное быть научной основой экспертной оценки, сужается до узко служебных сведений. И по мере этого сужения экспертиза теряет признаки объективности, становясь практической рекомендацией. Противостоять этой локализации, ограничивающей и очевидным образом релятивизирующей научную составляющую экспертизы, эксперт может, лишь обратившись к установкам фундаментальной науки. Но, подчеркну, сделать это он может лишь своим волевым экзистенциальным усилием. Поскольку именно он и способен определить, насколько сужается под запрос заказчика сфера знания, лежащего в основе данного экспертного заключения, и указать на то, что остается вне его принятых научных оснований. Однако на то он и эксперт, чтобы опираться на весь массив знания и опыта (в том числе и исторического), необходимого для обоснования объективности данного экспертного заключения. И именно он решает вопрос о направлениях расширения сферы релевантного знания: в идеале, вплоть до развертывания новых научных направлений.

Квалифицированный эксперт сумеет отделить, скажем, объективный, опирающийся на потенциал науки анализ данного физического, химического или биологического вещества от будущей оценки и интерпретации его результатов, например, в судебном процессе. При этом в такого рода различии, он, разумеется, будет опираться, прежде всего, на свою общую научную компетентность. Но есть и еще одно, методологическое, по сути, измерение научных оснований экспертизы — прояснение эпистемологической возможности включения имеющегося знания в наличный массив науки в целом. Для прояснения объективного статуса знания, положенного в основание конкретного заключения, эксперт должен более или менее ясно представлять себе различие методологических параметров фундаментальной науки и прикладного знания. Иногда, более или менее явно, условия такого рода отделения фиксируются в криминалистике. Коль скоро, например, речь идет о химическом анализе данного вещества в связи с его возможным употреблением в качестве средства отравления, экспертиза предполагает расширение исследования с опорой на весь комплекс наук о жизни. И мы видим при этом присутствие четкой эпистемологической ориентации знания, положенного в основание экспертного заключения.

Значительно сложнее дело обстоит в правовой и социальной экспертизе — например, в лингвистической. И уж с совсем сложной ситуацией мы сталкиваемся в экспертизе, широко ориентированной на реализацию социально-гуманитарных целей (см. подробнее: [7]). Очевидно, в такого рода экспертизе различие прикладного и фундаментального знания должно обязательно попадать в сферу ме-

тодологического самоконтроля эксперта. И в этом плане некоторые возможности открывает эпистемологическая рефлексия, фиксирующая приведенные выше различия фундаментальной науки и прикладного исследования. Причем, на мой взгляд, наиболее важным признаком является открытость фундаментальной науки новому знанию, точнее, ее ориентация на рост знания, что фактически превращает экспертные практики в форму развития науки.

«Установка фундаментального исследования на “преодоление” эмпирической данности, которая выступает не просто в виде обыденного опыта, наблюдения или даже эксперимента, поставленного специально в познавательных целях, но именно в виде приложения, придает особые конкретно-исторические черты традиционным-методологическим принципам науки. Требование познавать предмет так, как он есть “сам по себе”, предстает здесь как требование “преодолеть” те модификации знания, которые привносит с собой его приспособление для использования в частных практических контекстах. Прежде казалось, что во всяком случае эксперимент, осуществляющийся в рамках некоторой концептуальной системы, не несет на себе нагрузку “желаемого” и, так сказать, доносит концептуальное содержание до опыта без изменений. Приложения науки показали, что в ходе предметного воплощения знания последнее переживает определенные модификации, причем такого рода, что обнажается “приспособительная” ограниченность данного знания, его зависимость от условий воплощения в экспериментальном оборудовании. Установка на познание объекта самого по себе выступает здесь как преодоление этих ограничений и связанных с ними социокультурных пределов известного. Объективное познание ищет пути “преодоления” границ известного, которые выступают как социально и культурно нагруженные модификации наличного знания применительно к решению частных практических задач» [1, с.128].

И если, определяя статус того или иного экспертного заключения, мы обнаруживаем стремление эксперта расширять в ходе работы сферу знания (зачастую вопреки опасениям выявить возможные альтернативы в оценке ситуации и, тем самым, не удовлетворить ожидания заказчика), мы можем достаточно уверенно предполагать, что данное экспертное заключение ориентировано на объективность. Более того, если эксперт стремится обновить научные основания заключения, включить в экспертизу новые области науки, учесть внутринаучную критику этих оснований и наличие разных подходов и точек зрения, он еще более усиливает статус объективности своей деятельности. Бесспорно, это стремление — не универсальный, но важный признак ориентации экспертизы на объективность — способно, по крайней мере, уравновесить изначально присутствующую в ней нацеленность на определенный результат. Нарастание в экспертной среде этого стремления ориентироваться на расширение знания связано не только с осознанием негативных последствий неумеренного распространения экспертных практик, но и с оценкой их социальной важности в современном обществе, с сознанием ответственности эксперта перед ним. Причем дополнительным и очень демонстративным эффектом этих апелляций экспертов к науке становится креативный синтез фундаментальных и прикладных установок. Экспертиза, тем самым, становится фактором развития науки.

Даже в такой устоявшейся области экспертных практик, как судебно-биологическая экспертиза, «различные толкования объекта, замечает Д. Ю. Яковлев, определяются тем, насколько разработано это понятие в рамках “материнской”

биологии и корреляционных отношений биологии с иными областями» [14, с. 174]. Дело в том, что «механическое применение законов таксономии без учета основных положений криминалистики приводит к тому, что систематизация объектов биологического происхождения, попавших в сферу уголовного судопроизводства, противоречит правилам сравнения биологических объектов в рамках традиционной систематики» [14, с. 173]. Приведенное рассуждение – яркий пример стимулирующего, причем содержательного обращения эксперта к науке, что позволяет ему проблематизировать целую область фундаментальных исследований.

Еще более явно и результативно нацеленность экспертной деятельности на научность проявляется сегодня в стимулирующей роли экологической экспертизы. В этой экспертной области сегодня разворачиваются чрезвычайно острые дискуссии, имеющие откровенно социально-экономический (и даже политический) смысл. И в таком контексте чрезвычайно важно, что экспертиза способна выступать не просто как направленное приложение имеющихся научных достижений для объективного анализа той или иной экологической ситуации, но и как стимул исследований, затрагивающих содержательные трансформации фундаментальных концепций биологической науки. В частности, для определения статуса тех или иных экспертных экологических суждений важно учитывать, что в теоретической биологии сегодня идут весьма своеобразные процессы трансформации фундаментальных представлений о предметной сфере биологических исследований². И что особенно показательно, концептуальные поиски идут в том же направлении, что и в области судебной биоэкспертизы.

Таким образом, социально-гуманитарное звучание экспертизы сегодня порождает ее научную фундированность. Экспертная деятельность становится важным фактором разработки фундаментальной научной проблематики (связанной с атомной энергетикой, горным делом, нанотехнологиями и пр.) и именно в этом качестве экспертиза должна реализовывать свою принципиальную нацеленность на объективность.

В этой статье я хотел обратить внимание именно на эпистемологические аспекты экспертизы. До сих пор эта сторона экспертной деятельности фактически не рассматривалась ни в ходе осмысления ее культурно-исторических функций, ни в философско-методологической рефлексии над практикой современного научного познания. В общепринятых определениях экспертиза фактически отождествляется с прикладным исследованием данной ситуации (т.е. ограниченным частным запросом). В результате, из поля зрения ускользала сама суть экспертизы, претендующей на объективную, т.е. полноценную общезначимую фиксацию наличного

² «Появившиеся в последнее время данные и концепции о роли симбиогенеза в организации, функционировании и эволюции биосистем организменного и надорганизменного уровней, — пишет А. Б. Савинов, — позволяют говорить о формировании симбиотического подхода к решению теоретических и прикладных вопросов биологии. В частности, согласно концепции автора, единицей организменного уровня является не особь (индивидуум), а аутоценоз, т.е. самоуправляемая система «хозяин — симбионты». Тогда популяционному уровню соответствует система аутоценозов — демоценоз, а видовому уровню — система демоценозов, т.е. специоценоз. В соответствии с этим в демоценозе происходит естественный отбор аутоценозов, а не отдельных особей, и звеньями трофических цепей и сетей реально являются ауто- и демоценозы, но не «особи» и «популяции». Однако симбиотический подход не исключает популяционной парадигмы и будет развиваться параллельно с ней, постепенно превращаясь в новую парадигму — симбиотическую» [15, с. 284].

положения дел, а отнюдь не просто на обоснование способа решения частной задачи, отвечающей некоторому набору требований. Преодоление этой ограниченности в трактовке современной экспертизы является, на мой взгляд, актуальной философской и вполне практической целью.

Литература

1. Пружинин, Б. И. (1986), *Рациональность и историческое единство научного знания*, М.: Наука.
2. Климова, С. М. (2017), Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы, *Философские науки*, № 4, с. 68–80.
3. Тищенко, П. Д. (2008), Философские основания гуманитарной экспертизы, *Знание. Понимание. Умение*, № 3, с. 198–205.
4. Тульчинский, Г. Л. (2008), Гуманитарная экспертиза как социальная технология, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, № 4 (16), с. 38–52.
5. Seyedsayamdost, H. (2019), Philosophical Expertise and Philosophical Methodology. A Clearer Division and Notes on the Expertise Debate, *Metaphilosophy*, vol. 50, no. 1–2, pp. 110–129.
6. Костина, А. О. (2019), Нормативность, экспертиза и эпистемологический патернализм в философии науки, *Эпистемология и философия науки*, Т. 56, № 2, с. 229–241.
7. Черных, А. И. (2010), *Экспертное знание и публичная экспертиза (препринт WP14/2010/05)*, М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
8. Короткова, О. А. (2008), К вопросу об истории развития института экспертизы, *Право и политика*, № 1, с. 184–187.
9. Нестеров, А. В. (2011), История экспертизы и экспертика, *Теория и практика судебной экспертизы*, № 3 (23), с. 12–19.
10. Шпет, Г. Г. (2005), Герменевтика и ее проблемы, в *Шпет, Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды*, М.: РОССПЭН. С. 248–469.
11. Шупер, В. А. (2021), Национальная идея: взгляд географа, *Вопросы философии*, № 8, с. 5–14.
12. Стёпин, В. С. (2011), *Цивилизация и культура*, СПб.: СПбГУП.
13. Пружинин, Б. И. (2009), *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*, М.: РОССПЭН.
14. Яковлев, Д. Ю. (2016), К вопросу о формировании концептуальных основ судебно-биологической экспертизы, *Юридическая наука и правоохранительная практика*, № 4 (38), с. 173–180.
15. Савинов, А. Б. (2012), Аутоценоз и демоценоз как симбиотические системы и биологические категории, *Журнал общей биологии*, Т. 73, № 4, с. 284–301.

Статья поступила в редакцию 15 января 2021 г.;
рекомендована в печать 25 июня 2021 г.

Контактная информация:

Пружинин Борис Исаевич — д-р филос. наук, гл. науч. сотр.; prubor@mail.ru

Expert examination as an epistemological phenomenon

B. I. Pruzhinin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Pruzhinin B. I. Expert examination as an epistemological phenomenon. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 393–402.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.302> (In Russian)

The article examines the epistemological parameters of the phenomenon of expert examination as well as the social and cognitive features of using scientific knowledge to substantiate the objectivity of expert evaluations. Today, the scope of expert activities has significantly expanded. Accordingly, the number of studies, including philosophical ones, considering this

phenomenon, in particular, has increased primarily in connection with the growth of its role in assessing the social-humanitarian risks associated with the introduction of scientific-technical advances. At the same time, attention is directed to the fact that it is precisely due to the significant expansion of the scope of expert activity that the nature of the expert examination itself is distorted — its dependence on social contexts is increasing, but its objectivity is lost. The article aims to clarify the reasons for the growth of this dependence in connection with the specificity of the epistemological parameters of knowledge, which is used as a scientific basis for expert evaluations. This aspect of expert examination, as a rule, falls out of sight of both its researchers and the experts themselves. Modern philosophers and methodologists of science state the direct dependence of expert examination on applied (i. e., limited to practical requests) developments, while, in the author's opinion, the condition for the objectivity of expert opinions is the obligatory appeal of experts to fundamental science, motivated by the commitment to expand the sphere of holistic knowledge concerning the world. This condition is highlighted due to the epistemological perspective of comprehending expert evaluations, which makes it possible to include additional criteria for their objectivity in the sphere of the expert's self-awareness. The actualization of such criteria, according to the author, is now becoming a prerequisite for an effective expert examination that maintains a high social status.

Keywords: expert examination, expert evaluation, epistemology, fundamental science, applied developments, objectivity.

References

1. Pruzhinin, B. I. (1986), *Rationality and Historical Unity of Scientific Knowledge*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
2. Klimova, S. M. (2017), Humanitarian expertise and expert community: problem statement, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 4, pp. 68–80. (In Russian)
3. Tishchenko, P. D. (2008), Philosophical Foundations of Humanitarian Expertise, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 198–205. (In Russian)
4. Tulchinsky, G. L. (2008), Humanitarian expertise as a social technology, *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 4 (16), pp. 38–52. (In Russian)
5. Seyedsayamdost, H. (2019), Philosophical Expertise and Philosophical Methodology. A Clearer Division and Notes on the Expertise Debate, *Metaphilosophy*, vol. 50, no. 1-2, pp. 110–129.
6. Kostina, A. O. (2019), Normativity, Expertise and Epistemological Paternalism in Philosophy of Science, *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 56, no. 2, pp. 229–241. (In Russian)
7. Chernykh, A. I. (2010), *Expert knowledge and public examination (preprint WP14 / 2010/05)*, Moscow: Publishing house of the State University — Higher School of Economics. (In Russian)
8. Korotkova, O. A. (2008), On the history of the development of the institution of expertise, *Pravo i politika*, no. 1, pp. 184–187. (In Russian)
9. Nesterov, A. V. (2011), History of Expertise and Expertise, *Theory and Practice of Forensic Science*, no. 3 (23), pp. 12–19. (In Russian)
10. Shpet, G. G. (2005), Hermeneutics and Its Problems, in *Shpet, G. G., Thought and Word. Selected Works*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
11. Shuper, V. A. (2021), National Idea: a Geographer's View, *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 5–14. (In Russian)
12. Stepin, V. S. (2011), *Civilization and Culture*, St. Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian)
13. Pruzhinin, B. I. (2009), *Ratio Serviens? Contours of Cultural-Historical Epistemology*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
14. Yakovlev, D. Iu. (2016), On the formation of the conceptual foundations of forensic biological examination, *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 4 (38), p. 173–180. (In Russian)
15. Savinov, A. B. (2012), Autocenosism and democenosism as symbiotic systems and biological categories, *Zhurnal obshchei biologii*, vol. 73, no. 4, p. 284–301. (In Russian)

Received: January 15, 2021

Accepted: June 25, 2021

Author's information:

Boris I. Pruzhinin — Dr. Sci. in Philosophy, Senior Researcher; prubor@mail.ru